

АЛЕКСЕЙ АРЖАНОВ ✠ ВИКТОР МОЛОТОВ

ТОМ 6

ДРУИД

В ТОЛЩЕ ВОДЫ

Алексей Аржанов
Виктор Молотов
Друид. Том 7. В толще воды
Серия «Дубровский», книга 7

<https://litres.ru/74267994>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать лет я вырубал деревья и сколотил на этом целое состояние. А потом одно из них упало мне на голову.

Очнулся после смерти в теле молодого дворянина в Российской Империи, где магия — это реальность. И теперь я друид. Последний в своём роду.

На меня повесили большой долг. По соседству живёт граф, который спит и видит, как бы забрать мои земли.

С другой стороны — Поволжская аномалия, которая обращает моих зверей в чудовищ.

Что ж, я не первый раз начинаю с нуля. Насчёт бизнеса в лесу уже есть идеи, а вот с аномалией придётся повозиться! Ведь, чтобы выжить, я должен защищать сто пятьдесят гектаров леса, который чувствую как собственное тело.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Молотов, Алексей Аржанов

Друид. Том 7. В толще воды

Глава 1

До дальней купальни от жилого крыла было четверть часа быстрым шагом, и день выдался ясный, с высоким холодным небом. Вениамин порывался идти с нами, но у поворота тропы я остановил его движением руки.

– Всё, ты своё отработал, – сказал я. – Иди отдыхать. Ты ещё понадобишься мне свежим, а свидетелей там и без тебя хватает.

Он оглядывался, но спорить не решился.

У купальни стояли двое егерей, которых Кирсанов поставил сразу по прибытии. Тишь лежала поперёк порога тёмным кольцом.

– Побудь здесь, – попросил я Лизу. – Я войду один.

Она кивнула, и я оставил её у двери и вошёл.

Внутри было тепло, дневной свет падал из двух окошек под потолком, и над водой стоял пар. Гость лежал так, как его устроили: на спине, руки вытянуты вдоль тела, затылок на плоском камне у края. Вода доходила ему до груди.

Теперь я разглядел его без инея и без спешки. Мужчина на вид лет тридцати, худой, с ранней сединой в тёмных волосах, с лицом настолько обыкновенным, что через час его уже не вспомнишь. В любой конторе таких сидит по десятку за соседними столами, и никто не обернётся ни на одного.

Он лежал с открытыми глазами и не двигался. Дышал через раз, грудь поднималась еле заметно. Неопытный лекарь решил бы, что человека достал взгляд Тишь.

Я опустил на корточки рядом с купелью и первым делом прочёл его по-лекарски.

Жизненная сила в этом теле почти не расходовалась, и никаких признаков скорой смерти не было. Оно привыкло существовать в невероятно экономном режиме. За год такого не освоишь.

Второе моё наблюдение вышло заметно хуже первого. На нём не нашлось ни единого шрама, ни оспины, ни следа старого перелома. Тело без истории, чистое. У мужчин тридцати лет так не бывает.

Третье я почувствовал уже как хозяин ключа. Вода из купели уходила в него непрерывно. Пациенты берут мою воду каплями, по глотку силы за целое купание, и даже самым тяжёлым её хватает с избытком. Этот тянул руслом, и тёплый ключ отдавал в него, как в прорву. Пар над купелью не поднимался к потолку, а стелился к его лицу и оседал на коже мелкой росой. Вода тянулась к нему сама, и объяснения этому у меня пока не находилось.

Вывод из всего увиденного мне совершенно не нравился. Передо мной лежало тело, устроенное под единственное ремесло: отдавать жизнь и не умирать. Пленный подрядчик называл это станком, и мой осмотр его слова теперь подтверждал.

Заодно встало на место ещё одно из его показаний. Вернуть велено целой, и повторили это дважды. Тогда, в темнице, я решил, что речь о сохранности вещи, о том, чтобы не разбили при перевозке. Теперь формулировка читалась иначе: школа боялась даже не потерять его, школа боялась получить его повреждённым, потому что второго такого тела у них нет и взять его неоткуда.

– Откуда вы меня знаете? – спросил я первым делом.

– О вас разные слухи ходят, – хрипло ответил он, не повернув головы и не сместив взгляда. – Но узнал я о вас раньше слухов. В том месте, откуда меня похитили.

– Тогда следующий вопрос. Как зовут вас?

– Моё имя вам ничего не даст. Можете называть меня Владимиром.

Я отметил про себя, как это было сказано. Ни отчества, ни фамилии, ни секунды заминки перед ответом. Словно этот разговор был заранее отрепетирован.

– Что ж, посчитаем вместе. Ваша школа стоит без товара несколько лет, и все эти годы вы пролежали подо льдом. И как понимаю, первыми заморозили вас ваши же соратники, а только недавно Штерн похитил вас, точно вещь. Что обо

мне можно было услышать до вашей заморозки? Хозяйство я принял меньше года назад, а до того не выезжал дальше Волгина и был интересен разве что кредиторам с моими карточными долгами. Ни санатория, ни источника в его нынешней силе тогда ещё не существовало. А вы ждали этого дня и давно хотели оказаться в этих местах. Объясните мне, как одно сходится с другим.

Он не ответил и на это, и взгляд его даже не дрогнул.

Про себя я прогнал варианты, и каждый следующий выходил хуже предыдущего. Первый: он слышал сквозь остановленное время, и тогда неизвестно, что ещё он услышал в подвале Часовщика. Второй: о Дубровских в его школе говорили задолго до меня, и тогда я въехал в чужую войну на правах наследника, не читая завещания. Третий вариант я додумывать не стал, потому что речь в нём шла уже про меня самого и про то, о чём в этом мире не знала ни одна живая душа.

На третьем варианте я себя оборвал и задал вопрос ребром.

– Вы принадлежите этой организации? Служите ей по своей воле? Даже несмотря на то, что они с вами сделали?

– Кого волнует человеческая воля? – В его голосе не прибавилось ни силы, ни выражения. – Важен лишь исход бытия и то, кто в конце останется на вершине. И какие решения будут принимать эти люди, чтобы не угробить всех остальных.

– Это не ответ.

– Это ответ человека с высоты не одной сотни прожитых лет.

Я понял, что простым этот разговор не будет. За переговорным столом и таких встречал: собеседник отвечает не на заданный вопрос, а на свой собственный, и продолжает в том же духе, пока ты сам не начнёшь спрашивать то, что ему выгодно. Работает это ровно до тех пор, пока второй стороне некуда спешить. А вот мне спешить было ровным счётом некуда.

– Тогда новость с земли, с её малой высоты, – сказал я. – Йозеф фон Штерн мёртв. Рассыпался серым песком у меня на глазах, в собственном зале.

Ни одна черта на его лице не сдвинулась, и только пальцы правой руки, лежавшей в воде, медленно сошлись и разошлись, будто пересчитали между собой что-то своё.

– Я знаю, – ответил он.

– Откуда? Вы пролежали подо льдом до последней минуты его жизни.

– Оттуда же, откуда знаю вас.

Круг замкнулся, и замкнул его он сам, спокойно, одной фразой. Я убрал этот ответ туда же, где уже лежали три моих варианта, и решил про себя, что торопить эту загадку бессмысленно. Загадки такого сорта вскрываются, как долгие контракты: по одному пункту за встречу, и горе тому, кто подмахнёт всё сразу.

– Вы спасли меня, господин Дубровский, – продолжил он,

не дожидаясь нового вопроса. — А потому я поделюсь с вами частичкой знаний. Вода есть жизнь. Всегда была и всегда будет.

— Чем же она отличается от магии жизни? Той, что разлита в этом лесу?

— Магия жизни есть энергия. А сама жизнь берёт начало из воды. Там она зародилась, там она и образуется по сей день. Но не только там. Магия жизни имеет разные истоки, и владеть ею могут разные маги. Вопрос умений. Вопрос крови. Иногда даже вопрос души.

На последнем слове его взгляд впервые сдвинулся с потолка и упёрся мне в лицо.

Я выдержал.

Квартирант мой при всём этом разговоре молчал. В саратовском подвале он рвался к лежащему на камне так, что мою руку тащило по столешнице, а здесь, в двух шагах от цели, не подавал голоса вовсе, впервые за все месяцы. Из всего увиденного в купальне это понравилось мне меньше всего. То, что положило целую жизнь на поиски бессмертия, легло на дно и старалось, чтобы о нём забыли. Словно... испугалось.

— Будьте осторожны, господин Дубровский, — сказал Владимир, и взгляд его вернулся к потолку. — Потому что от вас не отстанут.

— Кто не отстанет? Сколько их и где они сидят?

— Этого я вам не скажу.

– Это всё, что вы можете сказать за своё спасение?

– Да.

– Этого мало. – Я поднялся с корточек. – Мы поговорим позже. Я найду способ вас разговорить. А может быть, мы сможем найти общий язык.

Он на это уже ничего не ответил. Взгляд его остановился окончательно и подёрнулся стеклом, как у кукол из штерновского дома. Дыхание снова ушло на самое дно, и вода в купели застыла так неподвижно, будто в ней лежал камень.

Я задержался у двери, наблюдая. За минуту он моргнул один раз, медленно, и больше в нём не двинулось ничего. Разговор был окончен с его стороны так же ясно, как если бы он встал и вышел, и в этом умении заканчивать беседу без единого слова чувствовалась школа подороже любой купеческой.

Снаружи Лиза шагнула мне навстречу раньше, чем я приоткрыл дверь.

– Ну что?

– Ничего конкретного. Философия, вода и одно предупреждение на прощание. – Я оглянулся на приоткрытую дверь и понизил голос. – Зато я узнал, чем он дышит. Твоей водой, Лиза. Он берёт её так, как не берёт ни один наш пациент, и ключ работает на него вторые сутки без передышки.

– Я заметила по температуре. – Она сложила лист с записями вчетверо и убрала за манжету. – И что мы с этим делаем?

– Пока наблюдаем. Кормить его надо?

– Я пробовала с вечера, ещё до того, как он заговорил. – Лиза качнула головой. – Бульон с ложки он не взял, губы не разомкнул, а вода в нём держится сама, и пульс от неё наполняется лучше, чем от любого бульона. Он ест твой ключ, Сева. Ложка ему без надобности.

– Тогда записывай и расход ключа тоже. Мне нужно знать, сколько он берёт за сутки и растёт ли это число. Если растёт, у нас с тобой появится срок, только я пока не знаю чего, – девушка кивнула, а я обернулся. – Кирсанов!

Тот вышел из-за угла купальни, где проверял своих, и по лицу его было видно, что половину разговора он слышал через стенку и ничуть этого не стыдится.

– Наблюдение за ним постоянное, – велел я. – Любое движение, любое слово: сразу докладывать мне, в любой час.

– Сделаем, Всеволод Сергеевич.

– И второе. – Я повернулся к Лизе. – Ты к нему одна не заходишь. Совсем.

– Сева, он ложку не удержит. Какая от него опасность?

– Без сил он лежит не первый год. И кому-то все эти годы было очень нужно держать его именно в таком виде, целым и беспомощным. Пока я не пойму, кому и зачем, правило простое: одна ты туда неходишь.

Лиза посмотрела на меня долгим взглядом, каким смотрят на упрямого пациента, и кивнула. Спорить она умела, а ещё лучше умела понимать, когда спор ничего не стоит.

К поместью я пошёл один, отослав обоих по своим делам.

Дорога вела мимо флигеля, где отлёживался после боя Данила, и через окно я разглядел у его кровати Фому с перевязанным предплечьем.

Холод над лесом стоял чистый, октябрьский, от которого дыхание становится видимым даже в полдень. По дороге я разобрал в голове бумаги на остаток дня.

Донесение блюстителю откладывать дальше было нельзя: теперь под него лёг саратовский протокол с благодарностью. Подавать следовало обе бумаги разом, нападение и Саратов одной связкой, чтобы у читающего сложилась готовая картина с началом и концом. Вопросы задают тому, чья история обрывается на середине, а законченные истории подшивают в дело и забывают.

Оставался у меня и долг поближе, прямо во флигеле. Магу смерти я обещал купель и честный ответ ещё до Саратова. Слово хозяина земли стоит дороже любых бумаг, и тянуть дальше было нельзя: ещё до темноты его поведут к малому ключу под конвоем, и Вениамин получит своё обещанное зрелище. Заплатил этот человек за мою науку честно, показаниями, и расчёт по сделке полагался ему сполна.

Думал я по дороге и о том, что война моя за минувшую неделю переменялась целиком. Ещё месяц назад я считал врагов поштучно: Часовщик со своим договором, Норов со своими покупками на аукционах. Теперь ростовщик рассыпался песком в собственном зале, а вместо него на моей зем-

ле лежала причина всей этой войны и пила мою воду. Школа придёт за ним.

На половине пути к дому я обернулся. Захотелось посмотреть на результат своих трудов. Посмотреть не только на проблемы, но и на что-то хорошее.

Санаторий выглядывал из-за осенних деревьев тёмными крышами корпусов, и по дорожкам между ними уже прогуливались первые пациенты. Я смотрел на него, и счёт в голове сложился сам собой. Меньше года я в этом теле, а дело стоит на ногах и работает.

Даже два дела. Поскольку торговля травами даёт ровный доход от сезона к сезону. Всё было бы совсем хорошо, если бы на эту землю не претендовала тайная школа, у которой я до сих пор не знаю ни имени, ни числа людей, ни адреса.

В сених на плечо мне прыгнули сверху, с вешалки, и вцепились в сукно всеми лапами разом.

– Ты что, гимнастику тренируешь? – не удержался я.

– Белка обязана быть гибкой для сбора орехов, – с достоинством отозвался Пушок у меня в голове. – Кстати, ты обещал запас на зиму.

– Я обещал за хорошее поведение.

– Так я хорошо себя вёл! Целую неделю! Ни разу не подслушивал, не таскал сушёные яблоки у Степана и даже к этой твоей ящерице не лез, хотя она первая начала на меня смотреть. Два кулька лесных и один грецких, вот моя цена.

– Цена за что? С каких пор хорошее поведение оплачива-

ется отдельно?

– С тех пор, как оно у меня появилось! – Пушок перебрался ближе к моему уху и понизил голос до заговорщицкого. – Ладно, слушай. Орехи не за поведение. Я, между прочим, нашёл один секрет Валерьяна.

А вот это уже звучало по-настоящему интересно.

– Сначала товар, потом оплата. Ты уж прости, но предоплата с тобой не работает со времён яйца.

– Одно единственное яйцо, и мне будут припоминать его до конца дней! – возмутился он на всю мою голову. – Между прочим, из него вылупилось прекрасное здоровое чудовище, так что по итогу я ещё и молодец!

– Пушок. Точно не врёшь? Как этот секрет не всплыл при перестройке? – перевёл я тему в нужное русло.

– Так он его не в доме спрятал! – Пушок перебрался на другое плечо и завертел хвостом. – В дупле дерева. Идём, покажу, тут рядом.

Двор стоял пустой, в тени у забора ещё держался иней, и из кухонной трубы поднимался дым: Степан готовил обед и, судя по запаху, с размахом. Пушок скакал впереди по хрусткой траве, оставляя цепочку мелких следов, и хвост его горел на осеннем солнце рыжим огнём.

Он привёл меня к старому дубу, к тому самому, с которым я здоровался в первый свой день на этих землях и под которым хоронил замученных духов из подвала. Дупло темнело в стволе невысоко, чуть выше моей головы. Я подобрался,

подтянулся на нижнем суку и запустил руку внутрь.

Пальцы легли на дерево. Из дупла я достал шкатулку, очень старую, тёмную, с крышкой без единого узора, и лишь посередине крышки темнело глубоко врезанное клеймо. Символ семьи Дубровских, тот же, что на печатях и на воротах.

– Ну я же говорю! – торжествовал Пушок. – Только Валерьян мог оставить такое в дупле дуба. Больше никто бы не додумался!

Я спрыгнул на землю и повернул находку к свету.

Первое, что бросилось в глаза: дуб держал её по-хозяйски. Кора вокруг дупла выросла за годы валиком и шкатулку не выдавила, хотя живое дерево выталкивает из себя любую чужую вещь. Эту вещь оно приняло за свою собственную.

Второе я понял, когда попробовал открыть крышку. Замка на шкатулке не было, а крышка сидела намертво, будто её вырезали заодно с корпусом. И третье касалось уже меня самого: пальцы у меня стыли, и октябрь был здесь ни при чём.

Я осторожно качнул находку из стороны в сторону, прислушиваясь. Внутри не отозвалось ничем, ни стуком, ни шорохом, хотя по весу шкатулка была заметно тяжелее пустой. Либо содержимое было уложено так, что не сдвинешь, либо весило само дерево.

– А что внутри, ты знаешь? – спросил я Пушка.

– Откуда? – Он даже обиделся. – Я её первый раз вижу!

Деда поблизости не оказалось. Что ж, потом у него полюю-

бопытствую.

Я примерился к крышке второй раз, уже с умом, через силу рода. Дуб под ладонью отозвался тёплой волной от корней до кроны. Шкатулка на то же тепло не отозвалась никак. Сила рода проходила сквозь неё, как свет проходит сквозь стекло, не зацепившись ни за что внутри, и по этому равнодушию я понял, что открывается она чем-то другим.

Позади, с санаторной тропы, меня окликнули по имени, и голос я узнал раньше, чем обернулся.

– Всеволод Сергеевич!

К дому бежал Кирсанов.

– Говори.

– Пропал! – Он остановился в трёх шагах и первый раз на моей памяти замялся, подбирая слово. – Пленник. Пропал.

– Как пропал? Он же без сил в купели лежал.

– А вот так, барон. – Кирсанов сглотнул. – Моя смена началась. Я глаз с него не сводил, как и приказано. Так вдруг вода вокруг него пошла рябью без всякого ветра, а потом его в ней просто не стало. Взял и растворился в ней!

Шкатулка в моей ладони сделалась вдруг очень тяжёлой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.